

УДК 811.161.1+УДК 811.162.3

ОБРАЗ ИОКАСТЫ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА Ю.К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

© 2012 г.

А.Н. Ушакова

Нижегородский филиал Университета Российской академии образования

alexush@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Исследуются особенности рецепции мифа об Эдипе в романе Ю. К. Олеши «Зависть». Имя Иокасты не случайно звучит в начале романа, отсылая к существенному мотиву мифа, который в романном контексте раскрывается в новых смысловых аспектах.

Ключевые слова: миф, контекст, рецепция.

Миф об Эдипе в широком историческом контексте воспринимается как источник актуальных для каждой эпохи смыслов. С.С. Аверинцев, толкуя символику этого мифа, справедливо отмечает неизбежность переосмысления символических схем в архаическом мифе, классической трагедии, греческой философии, римской жизни. Рецепция мифологического образа становится особенно интенсивной в искусстве XX века. Переосмысление возможно, если есть «стабильная смысловая основа, смысловая матрица, заданная языком и простейшими символическими системами самой жизни» [1, с. 92].

Властителю в древнейшие времена сон о браке со своей матерью сулил благополучную судьбу правителя. Мотив инцеста был символически связан с идеей власти и знания. Овладение тайным, божественным знанием соотносилось с преступлением правильных границ. Сфинга, Иокаста, задавая загадки Эдипу и получая ответ, совершают самоубийство, позволяя герою перейти на новый уровень бытия. Эдип приходит к самообожествлению, и «расправа Эдипа над своими глазами – это его суд над своим знанием, которое проникало в запретное и не раскрывало необходимое. Глаза, смотрящие вовне, – носители знания, обращенного вовне, на поверхность вещей» [1, с. 102]. По представлениям древних, мудрец, пророк, как разоблачитель видимости и созерцатель сущности, неизменно слеп. Оксюморон «зрячий слепец» применим к образу Эдипа, к состоянию героя, отрицающего, например, знание Тиресия. Прозревает Эдип, лишь ослепляя себя. Отказываясь от физического зрения, сокрывшего от него истинный смысл, он обретает другой путь знания, в котором движение интерпретируется в свете откровений лишнего власти, но вернувшегося к жизни человека.

Образ Иокасты интерпретируется как награда победителю. Иокаста – знак славы, власти над Фивами. Ритуальное убийство отца-царя связано с обрядом инициации, переходом сына в новое качество правителя; эдипово сновидение в античной традиции обещало славу вождю, так как мать символизирует отечество. В романе Ю. К. Олеши «Зависть» (1927) имя Иокасты возникает спонтанно в ситуации, являющейся, по мысли героя Николая Кавалерова, бессмысленной и оскорбительной для него. Мимолетное упоминание имени не лишает его смысловой энергии, даруемой мифологическими корнями. Имя Иокасты в романе Олеши высвечивает смыслы, формирующие семантическое поле всего романа. Вспомним, как появляется это имя: «*Кто такая Иокаста?*» – спросил он <Андрей Бабичев> меня однажды ни с того ни с сего. Из него выскакивают (особенно по вечерам) необычайные по неожиданности вопросы. <...> Ему известно, что люди, отдыхая, болтают. Он решает отдать какую-то дань общечеловеческим обыкновениям. Тогда он задает мне праздные вопросы. Я отвечаю на них. Я дурак при нем. Он думает, что я дурак. «Вы любите маслины?» – спрашивает он. «Да, я знаю, кто такая Иокаста! Да, я люблю маслины, но я не хочу отвечать на дурацкие вопросы. Я не считаю себя глупее вас». Так бы следовало ответить ему. Но у меня не хватает смелости. Он давит меня [2, с. 40–41]. Почему именно Иокаста, а не Федра, Клитемнестра или даже какой-нибудь мужской образ из греческой мифологии? Иокаста отсылает нас к мифу об Эдипе, который в контексте романа Олеши раскрывается в соответствии с культурным смыслом, заданным началом XX века.

Образ Иокасты, само имя ее позволяют полнее толковать историю героя, концепцию романа. Мечта Кавалерова – стать властителем в но-

вом мире, добиться своей славы. Эта мечта определяет его место в системе действующих лиц, и вокруг нее концентрируются мотивы, имеющие мифологические корни: слава и власть, (про)зрение и слепота.

Кавалеров – сын, который должен заместить отца, но не желает этого, потому что меняются эпохи и понимание славы, являющейся целью утверждения в новом мире. Кавалеров мучается от сходства с отцом. Мальчиком он жалел отца оттого, что тот «уже готов», закончен, не может быть красивым, знаменитым, и гордился своим превосходством над ним: *А теперь я узнал в себе отца. <...> И как бы кто-то сказал мне: ты готов. Закончен. Ничего больше не будет. Рожай сына* [2, с. 51]. Это признание в неизбежности продолжения рода, замещении отца, которого герой боится и не хочет, так как в перспективе нового времени отец оказывается знаком умершей эпохи. Занять его место – значит уйти из мира настоящего и грядущего. В Андрее Бабичеве Кавалеров видит другой вариант отца, совершенно не вписывающийся в его судьбу. Кавалеров желает «собственной славы», отрицает «законные пути для достижения славы», отвергает план, бросает вызов новому обществу, требующему от человека предсказуемости. Повеситься над подъездом у Бабичева – это не то же самое, что повеситься «над подъездом ВСНХ, на Варварской площади». Кавалеров хочет не произвести «эффект» (так, смеясь, думает Бабичев), а выразить *свою* волю, «чтобы показать, что каждый имеет право распоряжаться собой» [2, с. 49]. В контексте романа спор между новым человеком и старым аналогичен спору за власть над миром. Миром новым и ждущим (или уже признавшим) своего правителя. Бабичев называет Володю Макарова «совершенно новым человеком» и сыном, которому он обязан жизнью. Спаситель и совершенно новый человек. Роли меняются: отец (заместитель отца) готов признать, обращаясь к будущему, первенство за сыном, уступить. Бабичев отрицает в себе семейное. Род в новое время заменяется массой. Деформация в отношениях, мифологических в основе, затрагивает и родственные связи. «Мне не нужен сын, я не отец, и он не сын, мы не семья. Я тот, что верил в него, а он тот, что оправдал веру», – говорит Андрей о Володе. Не о преемстве, не о замещении отца сыном идет речь. О договоре между старым и новым. Утверждение «Мы не семья, мы – человечество» не отрицает, по мысли Андрея, любви между отцом и сыном, но так отрицается мифологическое для сознания современного человека чувство вписанности в свой род, допускается компромисс, отвергающий власть и

неизбежность выбора своего пути. Обвиняя Андрея в отцовских чувствах, Иван восклицает: «Ты самому себе очки втираешь!» Эта реплика отсылает к мотиву слепоты, связанному с пониманием времени и своей роли в нем, с мотивами власти и знания. Кавалеров говорит об Андрее: *Я боюсь его. Он давит меня. Он не смотрит на меня – и видит насквозь. Он на меня не смотрит. Только сбоку я вижу его глаза, когда лицо его повернуто в мою сторону, взгляда его нет: только сверкает пенсне, две круглые слепые бляшки. Ему не интересно смотреть на меня, нет времени, нет охоты, но я понимаю, что он видит меня насквозь* [2, с. 62]. Видит не претендента на «трон» и не законного наследника, а чужую, отжившую свое эпоху. Для Кавалерова Бабичев – *правитель*, строящий новый мир, в котором изменилась природа славы, но Кавалеров любит этот мир и хочет быть признанным им: «*Я не слепец*, у меня голова на плечах. Меня не надо учить, объяснять мне... Я грамотен. Именно в этом мире я хочу славы! Я хочу сиять так, как сиял сегодня Бабичев. Но новый сорт колбасы меня не заставит сиять» [2, с. 61–62]. Оскорбив своего благодетеля, Кавалеров готов уже пасть перед ним на колени и молить о прощении, признаться в готовности молиться на него, просить не прогонять и поверить как Володе, потому что молод: «Как я мог прозевать, как *мог я остаться слепым*, не сделать всего, чтобы вы полюбили меня! Простите меня, пустите, дайте сроку мне четыре года...» [2, с. 86]. Володя планирует жениться на Вале тоже через четыре года. Мотив испытания во имя грядущего посвящения в новые правители реализуется только в сознании Кавалерова. Возможность получения власти влияет на отношение к истине, но если Кавалеров в авторефлексии переозначивает мотив слепоты, то сам Бабичев для него остается слепым. Кавалеров признается, что ошибался, видя в Володе такого же, как он, дурака: «Бабичев растит и холит себе подобного. Вырастет такой же надутый, слепой человек». Кавалеров не остается с Бабичевым и отторгается новым миром, отрекаясь от слепоты настоящего, от старого знания и мучаясь этим.

В настоящем Бабичев выступает в роли царя, которому принадлежит власть над новым миром. Он директор треста, «замечательный человек в государстве», «великий колбасник, кондитер и повар», «правитель», уподобляющийся Гаруну-аль-Рашиду – это определения Кавалерова – «соперника» и неудачного сына. В сознании Кавалерова царственность Бабичева выражается в сходстве его с фигурой, лишенной примет обычного человека, жрецом [2, с. 39], монументом [2, с. 69].

В главе VIII первой части Кавалеров, представив на мгновение собственную расправу над колбасой – детищем Бабичева, видит надвигающегося на него Андрея, *грозного, неодолимого идола с вытученными глазами*. В главе II второй части Иван также говорит Андрею: *Я ненавижу тебя. Ты идол*. Бабичев согласен со своей исключительной ролью, но готов уступить ее Володе. В романе есть еще один король – Иван Бабичев, собирающий свое воинство, чтобы выступить против брата. Иван до похищения дочери братом был уверен, что *женщина была лучшим, прекраснейшим, чистейшим светом нашей культуры*. <...> *Женское было славой старого века* [2, с. 102]. Валя бросила изголовье старого века. За Валю идет спор между Кавалеровым и Андреем. *Вы не получите ее. Она будет моей женой, – обращается Кавалеров к Андрею. – «Повоюем! Сразимся! <...> Не вы – я получу Валю. Мы прогремим в Европе – там, где любят славу. Я получу Валю – как приз – за все: за унижения, за молодость, которую я не успел увидеть, за собачью мою жизнь* [2, с. 75–76]. Женитьба на Вале сулит победу в новом мире и славу – цель нового правителя, поэтому в главе XIV первой части Андрей обвиняется Кавалеровым в инцесте: *Вы хотите завладеть дочкою вашего брата; Вы смеетесь над семьей, над родом* [2, с. 74–75; с. 87]. В мифологической перспективе это означает путь к власти. Он уготован для Володи, но Кавалеров утверждает, что сам Андрей одержим желанием править. В романе два женских персонажа выражают на разных смысловых уровнях концепцию власти в новом и старом мирах.

Воспоминания об отце Кавалерова корреспондируют с образом Анечки Прокопович: *Вдова Прокопович – символ моей мужской униженности*, – признается герой [2, с. 52]. Она *стара, жирна и рыхла*, улыбается женской улыбкой. Вид ее говорит Кавалерову, что он «папаша уже» и может заместить ее покойного мужа. Вдова, раздражающая локтями кишки во время кормления кошек, уподобляется принцессе. Принцесса или жрица? В главе X второй части и происходит пародийное возвеличивание Кавалерова: он получает власть над миром покойного Прокоповича. Кавалеров, попадающий в комнату вдовы, сравнивает себя с героем комедии – пьяницей-нищим, приведенным бога-

чом в свой дворец. Долгожданная великая награда за мучения и лишения оборачивается переживанием символических трансформаций тела вдовы, в котором обнаруживаются палатки, шатры, арки, под их сводами находит пристанище Кавалеров. Вместо власти над миром будущего Кавалеров получает новые подтяжки, сделанные вдовой из старых подтяжек покойного супруга. Петля на подтяжках пародийно соотносится с петлей, в которой мечтал оказаться герой над подъездом Андрея.

Власть над вдовой Кавалеров делит с Иваном, так же как власть над миром прошлого, от которого хотел убежать, но который начал обживать без надежды на новое знание. Иван незадолго до падения Кавалерова, превращения его в наследника вдовы умоляет Валю выколоть ему глаза: *Я хочу быть слепым <...> мне надо ослепнуть, Валя. <...> Я думал, что все чувства погибли <...> Но все осталось. Только не для нас, а нам осталась только зависть и зависть... Выколи мне глаза, Валя, я хочу ослепнуть...* [2, с. 144]. От руки Вали, как дарующей власть над миром, отец ее жаждет принять смерть глазам своим, обманувшим его. Роль Антигоны при этом не может быть исполнена, так как антагонизм старого и нового непреодолим, новое не приводит старое к спасению. В пародийной перспективе Кавалеров выступает в роли Эдипа, Анечка Прокопович – Иокасты. Дочь и возлюбленная жена-мать «предают», не выполняя своих функций. Если для Ивана Валя символизирует славу старого мира, с которым должна исчезнуть, то для Кавалерова Валя – знак нового мира, сохранивший свет прошлого и признанный грядущим. Получение Вали в жены означает достижение власти в новом мире, но Кавалерову достается в жены вдова Прокопович – лжеИокаста. Возвышенные смыслы власти и свободы стираются. Раскрывая семантические ресурсы мифа, Олеша дает импульсы развитию своей художественной концепции и появлению новых толкований романа.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. К истолкованию мифа об Эдипе // Античность и современность. М.: Азбука-классика, 1972. С. 92–102.
2. Олеша Ю. К. Зависть. СПб, 2008. 288 с.

THE RECEPTION OF THE MYTH OF OEDIPUS IN THE NOVEL «ENVY» BY YU. OLESHA

A.N. Ushakova

The article investigates the reception of the myth of Oedipus in the novel “Envy” by Yuri Olesha. The name Jocasta at the beginning of the novel refers the reader to a significant motive of the myth, which is revealed in the novel in the context of some new aspects of meaning.

Keywords: myth, context, reception.